

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Б97

Iain Banks
THE WASP FACTORY
Copyright © Iain Banks, 1984

Перевод с английского *А. Гузмана*

Серия «Pocket book»
Оформление *А. Саукова*

Серия «Культовая классика»
Оформление *Н. Ярусовой*

Бэнкс, Иэн.

Б97 **Осиная Фабрика / Иэн Бэнкс ; [пер. с
англ. А. Гузмана]. — Москва : Издательство
«Э», 2017. — 272 с.**

ISBN 978-5-04-089716-2 (Культ. клас.)
ISBN 978-5-699-39010-6 (Pocket book)

Знаменитый роман выдающегося шотландца, самый скандальный дебют в английской прозе последних десятилетий.

Познакомьтесь с шестнадцатилетним Фрэнком. Он убил троих. Он — совсем не тот, кем кажется. Он — совсем не тот, кем себя считает. Добро пожаловать на остров, который стерегут Жертвенные Столбы. В дом, где на чердаке ждет смертоносная Осиная Фабрика.

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-089716-2
(Культ. клас.)
ISBN 978-5-699-39010-6
(Pocket book)

© Гузман А., перевод
на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

«Осиная Фабрика» не просто многообещающий дебют, но исключительное достижение, настоящий маленький шедевр. Это роман-наваждение, роман-кошмар, от которого невозможно очнуться. Смерть и кровь наполняют его страницы, и единственная возможность разрядки — это черный юмор, ненавязчивый налет сюрреализма, поэтичность, наконец. Что-то совершенно инородное и шокирующее, удивительный новый талант...

Punch

Это большой, большой мир, если доверие и капиталовложения уважаемого издательства оправдываются производением беспримерно порочным.

Бессмысленно отрицать гротескную плодovitость авторского воображения: блестящий диалог Бэнкса, жесткий юмор, отталкивающую изобретательность. Однако большинство читающей публики испытает облегчение оттого, что лишь профессиональные критики вынуждены по долгу службы брать в руки подобную литературу.

Irish Times

Первый роман настолько мощный, душераздирающе оригинальный, что вне зависимости от того, понравится он вам или нет — а не исключено, что вы его возненавидите, — это, безусловно, дебют года. Изумительное, тревожное, блестяще написанное произведение.

Cosmopolitan

С литературной точки зрения «Осиная Фабрика» воспаряет до уровня заурядности. Может быть, непроходимо откровенными выражениями и бесстыдством сюжета автор рассчитывал взять приемлемо авангардную ноту.

Не исключено, что это просто шутка, призванная одурачить литературный Лондон, заставить уважать откровенную халтуру.

The Times

Иэн Бэнкс написал один из самых блестящих дебютных романов, какие мне попадались за долгое время. Просто поражает, насколько тщательно исследует он навязчивое состояние рассказчика, с какой ясностью и скрупулезностью (ничего лишнего!) выстраивает сюжет. Удивительный роман, в буквальном смысле слова удивительный.

Daily Telegraph

Глупая, скверная, злорадно садистская небывлица о семейке шотландских психов, одному из которых нечем больше заняться, кроме как зверюшек мучить. Написано чуть лучше, чем основная масса чуши в жанре хоррор, но все равно не более чем аляповатый литературный эквивалент видеоужастиков.

Sunday Express

Не шедевр и одна из самых тяжелых для чтения книжек, попадавших мне за последнее время, однако ритмика, сюжетно-тематический контроль и шокирующая изобрета-

тельность — определенно на высоте. Иэну Бэнксу следует воздать должное за элегантный дебют. Однако не могу сказать, чтобы книга доставила мне удовольствие.

Sunday Telegraph

Что же с этим сочащимся кровью томом? Тошнотворен ли он? Конечно, крови и грязи в нем побольше, чем в среднем романе хоррора... Однако ничего развращающего, ничего даже отдаленно порнографического.

Начать с того, что любую самую кошмарную сцену Бэнкс излагает с безумным, зашкаливающим за пределы юмором, а бороться с тошнотой и одновременно смеяться — затруднительно.

Во-вторых, ни одна сцена насилия не является лишней, все жестко обусловлено, работает на сюжет.

Впрочем, читать «Осиную Фабрику» вас никто не заставляет. Считайте, что вы просто предупреждены.

The Scotsman

Простейший, если и не самый удачный, способ наделать шума своим первым романом — это нагромоздить побольше ужасов. Так и «Осиная Фабрика» сочетает омерзительную безответственность с массой нелепого садизма. К сожалению, сатирическое намерение автора затмевается его упоением чрезмерной жестокостью.

TLS

Если этой весной выйдет роман более жестокий или тошнотворный, я буду удивлен. Но в то же время вряд ли выйдет что-либо лучше. Читаешь «Осиную Фабрику» буквально затаив дыхание из боязни пропустить символ, или красивый оборот, или кошмар настолько ужасный, что волосы встают дыбом. Бесконечно болезненный для чтения, гро-

тесковый и в то же время очень человечный, роман этот порождает ощущение реальности, редкое для художественной прозы. В британской литературе появился новый талант первой величины.

Mail on Sunday

Отвратительное произведение — и, значит, наверняка завоеует массу поклонников. Нагромождает кошмар на кошмар в манере, должной удовлетворить читателей, придерживающихся модного ныне воззрения, что человек низок и подл.

Evening Standard

Готический роман самой что ни на есть высшей пробы. Жуткий, эксцентричный и невероятно увлекательный. Дебютант владеет пером стократ уверенней и оригинальней многих признанных мэтров. Всячески рекомендую.

Financial Times

Посвящается Энн

ЖЕРТВЕННЫЕ СТОЛБЫ

В тот день, когда нам сообщили, что мой брат сбежал, я затеял обход Жертвенных Столбов. Я заранее знал: что-то должно произойти. Так подсказывала Фабрика.

На северной оконечности острова, возле заброшенного стапеля, где все еще поскрипывает на восточном ветру гнутая ручка ржавой лебедки, я вкопал на дальнем склоне последней дюны два Столба. Один из Столбов украшала крысиная голова и две стрекозы, а другой — чайка и две мыши. Когда я насаживал на место покосившуюся мышиную голову, в вечерний воздух с криком и карканьем взвились птицы и закружили над петлявшей между дюнами дорожкой, там, где она проходила неподалеку от их гнезд. Я покрепче насадил голову, взобрался на гребень дюны и достал бинокль.

По дорожке, налегая на педали и пригнув голову к рулю, ехал Диггс, полицейский из города; колеса велосипеда зарывались в мягкий песок. У моста он спешился, прислонил велосипед к тросам, дошел до середины подвесного пролета, где была калитка, и нажал на кнопку переговорного устройства. Постоял

секунду-другую, поглядывая на тихие дюны и садящихся птиц. Меня он не увидел, так хорошо я замаскировался. Наконец папа ответил на звонок. Диггс пригнулся к решетке, сказал пару слов, толкнул калитку и, перейдя на остров, двинулся к дому. Когда его скрыли дюны, я еще немного посидел в своем укрытии, задумчиво почесывая в промежности; ветер ерошил мне волосы, птицы возвращались в гнезда.

Я достал из-за пояса рогатку, выбрал полудюймовый шарик от подшипника, тщательно прицелился и навесом послал снаряд над рекой, телефонными столбами и маленьким подвесным мостом, ведущим на наш остров. С едва слышным звоном шарик угодил в табличку «Проход воспрещен — частная собственность», и я улыбнулся. Хороший знак. В подробности Фабрика, по обыкновению, не вдавалась, но у меня было ощущение, что она предупреждает о чем-то важном, и еще я чувствовал, что новость будет неприятной, но у меня хватило ума понять намек и пойти проверить Столбы, и теперь я знал, что меткости, по крайней мере, не утратил; так что пока все при мне.

Я решил сразу домой не возвращаться. Отец не любил, когда я бывал дома во время визитов Диггса, да и все равно мне еще надо было проверить парочку Столбов, пока не село солнце. Я вскочил, съехал по песчаному склону в тень у подножия дюны и обернулся посмотреть на Столбы, стерегущие подступы к острову с севера. Тельца и головки, насаженные на сучковатые ветви, смотрелись вполне удовлетворительно. Ветерок приветственно колыхал черные ленточки, привязанные к веткам. Все обойдется, решил

я; надо будет завтра вытянуть из Фабрики побольше. Вдруг и отец что-нибудь расскажет, если повезет, а если уж очень повезет, то, может, он даже врать не будет.

Когда сгустилась тьма и на небе выступили первые звезды, я оставил мешок с дохлятиной в Бункере. Птицы подсказали мне, что Диггс уже несколько минут как ушел, так что я кратчайшим путем пробежал к дому, где, как обычно, горели все огни. Отец встретил меня на кухне.

— Только что был Диггс. Ты, наверно, в курсе.

Он сунул толстую недокурную сигару под струю холодной воды и, когда та громко зашипела и потухла, бросил размокший окурок в мусорное ведро. Я пристроил свое хозяйство на большом столе, выдвинул стул и, пожав плечами, уселся. Отец включил газ под кастрюлей с супом, приподнял крышку, оценивающе глянул на варево и отвернулся от плиты.

Примерно на уровне плеча в кухне висело облако синевато-серого дыма с широкой прорехой, образовавшейся, видимо, когда я вошел через двойные двери заднего крыльца. Пока отец буравил меня взглядом, прореха успела затянуться. Я поерзал на стуле, потом опустил глаза и затеребил резинку черной рогатки. От меня не ускользнуло, что вид у отца обеспокоенный, но отец хороший актер, и не исключено, что он просто хотел внушить мне такое впечатление, и потому я воспринял это скептически.

— Пожалуй, тебе лучше узнать, — сказал он, снова отвернулся, взял деревянную ложку и помешал суп. — Речь об Эрике.

Тогда я понял, что случилось. Он мог не продолжать. По идее, можно было бы подумать, что мой сводный брат умер, или заболел, или с ним что-то произошло, — но наверняка Эрик опять что-нибудь натворил; а натворить он мог только одно, что обеспокоило бы отца до такой степени: он сбежал. Вслух я не сказал ничего.

— Эрик сбежал из больницы. Диггс заезжал предупредить. Они думают, он может направиться сюда. Убери это со стола, сколько можно говорить. — Он попробовал суп, по-прежнему стоя ко мне спиной. (Я дождался, когда он начнет оборачиваться, и только тогда убрал со стола рогатку, бинокль, саперную лопатку.) — Сомневаюсь, правда, чтобы он добрался так далеко, — продолжал отец тем же глухим тоном. — Наверно, через день-другой его поймают. Лучше, если ты будешь знать. Вдруг еще кто-то услышит и что-нибудь скажет. Достань тарелку.

Я подошел к буфету, достал тарелку, вернулся к столу и сел, подогнув под себя ногу. Отец продолжал помешивать суп, запах которого начал пробиваться сквозь сигарный дым. В животе у меня вскипало возбуждение — щекочущий прилив безудержной радости. Значит, Эрик возвращается; это хорошо, но и плохо тоже. Я был уверен, что он доберется. У меня и мысли не возникало спросить об этом Фабрику; он будет здесь, и точка. Интересно, сколько времени займет у него дорога домой и не придется ли Диггсу обходить городок, оповещая всех о том, что помешанный парень, который жег собак, опять на воле — держите, мол, своих бобиков под замком!

Отец налил мне супа. Я подул на него и подумал о Жертвенных Столбах. Столбы — это моя система раннего оповещения и одновременно средство устрашения: мощные зараженные штуки, которые преграждают доступ на остров. Эти тотемы — мой предупредительный выстрел; если, увидев их, кто-то все же решится ступить на остров, он должен знать, что его ждет. Но, судя по всему, вместо угрожающе стиснутого кулака они предстанут радушно протянутой ладонью. Для Эрика.

— Я смотрю, ты опять помыл руки, — сказал отец, когда я хлебал горячий суп.

Это он язвил. Он достал из кухонного шкафа бутылку виски и плеснул себе в стакан. Второй стакан, из которого, судя по всему, пил констебль, он поставил в раковину и сел напротив меня.

Мой отец — высокий и худощавый, правда, немного сутулится. Лицо у него тонкое, как у женщины, глаза черные. Сейчас он хромотает, да и всегда хромал на моей памяти. Его левая нога почти совсем не сгибается, и, уходя из дома, он обычно берет трость. Когда сыро, он вынужден и дома пользоваться тростью, глухой стук которой разносится по коридорам, не покрытым ковровой дорожкой. Только здесь, в кухне, трости не слышно — плитняк заглушает.

Эта трость — символ безопасности Фабрики. Благодаря негнущейся отцовской ноге моим святилищем стал чердак — теплое уютное пространство на самом верху дома, где складывают хлам и старье, где витает в косых солнечных лучах пыль и где обитает Фабрика; ни звука от нее, ни скрипа — но она живая.

Отец не может подняться туда по узкой лестнице с верхнего этажа; а если бы и мог, я знаю, что ему не одолеть поворота вокруг дымоходов. Прямо же с лестницы на чердак не попадешь.

Так что чердак мой.

По моим подсчетам, отцу сейчас где-то около сорока пяти, хотя иногда он выглядит гораздо старше, а иногда, может, и чуть моложе. Он не говорит мне, сколько ему лет, — но на вид я дал бы ему примерно сорок пять.

— Какой высоты этот стол? — спросил он вдруг, когда я направился к хлебнице отрезать кусок хлеба, чтобы подтереть тарелку.

Я обернулся, недоумевая, с чего это он пристает ко мне с такими элементарными вопросами.

— Тридцать дюймов, — ответил я, доставая хлебную корку.

— А вот и нет. — И он довольно ухмыльнулся. — Два фута шесть дюймов.

Я нахмурился и стал собирать коркой коричневую кайму от супа. Было время — я до дрожи боялся этих идиотских вопросов; но теперь — не говоря уж о том, что успел, наверно, вызубрить длину, ширину, высоту, площадь и объем каждой комнаты и всей домашней утвари, — я распознал истинную природу этого отцовского наваждения. Когда у нас гости, становится неловко, даже если это родственники, которым по идее должны быть известны все его фокусы. Бывает, сидят они себе в гостиной, гадая, чем папа сегодня угостит их на ужин: чем-нибудь съедобным или только импровизированной лекцией о ленточных червях или

о раке толстой кишки, — а он придвинется бочком к кому-нибудь, обведет взглядом комнату, проверяя, все ли смотрят, и выдаст театральным шепотом:

— Видите вон ту дверь? В ней восемьдесят пять дюймов, от угла до угла.

А потом подмигнет и отправится куда шел или же как ни в чем не бывало развалится в кресле.

Сколько себя помню, по всему дому были расклеены ярлычки с аккуратными надписями черной шапrikовой ручкой. Прикрепленные к ножкам стульев, краям ковриков, донышкам кувшинов, радиоантеннам, телеэкранам, дверцам шкафов, спинкам кроватей, ручкам кастрюль и сковородок, они сообщали точные размеры того, на что наклеены. Даже цветочные листья не убереглись, правда, надписи были карандашными. Как-то в детстве я не поленился обойти весь дом и содрать все ярлычки до единого; меня отстегали ремнем и два дня не выпускали из моей комнаты. Позже папа решил, что для общего развития и для воспитания характера мне тоже будет полезно знать все эти размеры, поэтому я был вынужден часами просиживать над Книгой Размеров (толстеньким скоросшивателем, в точности фиксирующим данные всех ярлычков по местонахождению и категориям объектов) или ходить по дому с блокнотом и производить замеры самостоятельно. И все это в дополнение к нашим обычным занятиям — математикой, историей и т. д. На игры времени почти не оставалось, чем я был крайне недоволен. Тогда у меня шла Война — Мидии против Дохлах Мух, если не путаю, — и пока я корпел в библиотеке над книгой, борясь со сном и

зубря всю эту дурацкую систему мер и весов, ветер разносил мои мушиные армии по всему острову, а море, притопив мои ракушки, заносило их песком. К счастью, в скором времени отец охладел к этому грандиозному замыслу и довольствовался тем, что в любой момент мог с бухты-барахты поинтересоваться, какая, например, емкость подставки для зонтов (в пинтах) или общая площадь всех имеющихся в доме штор (в акрах).

— На эти вопросы я больше не отвечаю, — сказал я ему, ставя тарелку в раковину. — Давно бы пора перейти на метрическую систему.

Отец фыркнул в стакан, допивая виски:

— Гектары и прочая ахинея. Ни за что на свете. Там же все основано на измерениях земного шара. Я же сто раз тебе говорил — какой, к черту, шар!

Я вздохнул и взял яблоко из вазы на подоконнике. Однажды отец сумел внушить мне, что Земля — не шар, а лента Мебиуса. Он до сих пор утверждает, что верит в это, и периодически посылает лондонским издателям рукопись с изложением своей теории, устраивая из этого целый спектакль, но я-то знаю, что это он просто воду мутит и главное удовольствие получает, изображая потрясенное неверие, а затем благородное негодование, когда рукопись в итоге возвращается. И так примерно раз в квартал, без этого ритуала ему жизнь не в радость. По крайней мере, именно соображениями высокой теории он обосновывает нежелание переходить для своих дурацких измерений на метрическую систему, хотя на самом деле ему просто лень.